

Вспоминая всё, через что ей пришлось пройти в префектуре Сянпин, госпожа Чжао до сих пор задыхалась от затаённой злобы.

Под предлогом помощи в устройстве свадьбы распорядитель из ведомства сюэчжэна увёз их семью и запер в отдельном поместье. На первый взгляд казалось, что к ним приставили людей для помощи, но на деле это было домашним арестом, а распорядитель и слуги лишь изошрённо издевались над ними ради забавы.

Каждые несколько дней тот человек забирал женщину с собой под предлогом выбора свадебных принадлежностей. На самом же деле он просто изматывал её: заставлял покупать самые дорогие и ненужные вещи в огромных количествах. Стоило ей выказать хоть тень недовольства, как в ответ летели завуалированные угрозы и новые притеснения.

Поначалу госпожа Чжао пыталась скандалить, но каждая её выходка оборачивалась ещё более жестокими мучениями. Постепенно она притихла, скованная липким страхом.

Позже, правдами и неправдами разузнав детали, она выяснила, что тот распорядитель был в дружбе с хозяином дома, у которого они когда-то снимали жильё. Именно он надоумил сюэчжэна «помочь» со свадьбой, чтобы под этим предлогом выплеснуть гнев за своего приятеля.

У матери Юньцзина не было выхода. Запертые в поместье, они не могли даже мельком увидеть высокого чиновника, а если бы и увидели — вряд ли он стал бы слушать жалобы какой-то деревенской бабы.

Лишь когда из карманов госпожи Чжао и её спутников вытрясли последнюю монету, распорядитель соизволил отпустить их из фучэна. Ей пришлось, скрепя сердце, заложить свой серебряный браслет, чтобы выручить денег на обратную дорогу.

Первые дни в деревне семьи Ду женщина то и дело просыпалась по ночам в холодном поту, боясь, что распорядитель снова найдёт способ поглумиться над ней.

Когда же страхи немного отступили, она с горечью осознала: жизнь в деревне перестала быть такой сладкой, как прежде.

Раньше, благодаря достатку и надежде на блестящее будущее сына, госпожа Чжао была центром всеобщего внимания. Односельчане заискивали перед ней, а она ходила по улицам, задрвав подбородок, точно горделивая старая наседка.

Но теперь, когда её гнусные поступки выплыли наружу, а семья Цю Хуаняня пошла в гору, льстецы испарились. Те же, кто и раньше не выносил её скверного нрава, перестали скрывать

своё пренебрежение. Жизнь в Дуцзяцунь с каждым днём становилась всё невыносимее.

Разладились дела не только с соседями, но и в собственном доме.

Раньше слово хозяйки было законом, а старшая невестка, Вэй Люхуа, не смела и пикнуть поперёк. Однако за те месяцы, что свекровь отсутствовала, Люхуа словно обрела внутреннюю опору. Она перестала слушать приказы и начала открыто давать отпор, доводя госпожу Чжао до белого каления.

Старуха и рада бы проучить невестку, да только деньги в доме почти кончились. Её ненаглядный сын Ду Юньцзин не привык к труду, и теперь всё благополучие семьи держалось на работе Люхуа и Юньху. Стоило невестке проявить твёрдость, как госпожа Чжао тут же пасовала, не решаясь идти на открытый конфликт.

Она пыталась сорвать злость на Ли Гуэр, но та после поездки в город стала куда сообразительнее. Девушка ловко уклонялась от придирок, а когда прижать её всё же удавалось, тут же заводила речь о том, что сам сюэчжэн велел «хорошо к ней относиться».

Теперь женщина до дрожи боялась всего, что было связано с властями. Одно упоминание о чиновниках вызывало у неё болезненные воспоминания, и вся её спесь мигом улетучивалась.

Оглядываясь на прошедшие полгода, она видела, что все её несчастья начались с Цю Хуаняня.

С того самого мига, как Фубао толкнул его, а Хуанянь внезапно проявил характер, её семья покатила по наклонной.

Зато у оппонентов дела шли всё лучше: юноша разбогател, взял первое место на экзаменах, а по возвращении и вовсе отстроил огромный кирпичный дом в два двора, совсем как в городе.

Чужой успех жёг госпожу Чжао сильнее, чем собственные беды. Глядя на счастливую жизнь ненавистной семьи, она исходила желчью. В этом они с сыновьями были удивительно похожи — одна порода.

Она глубоко вздохнула, и ногти больно впились в ладони. Она не верила, что Цю Хуанянь будет торжествовать вечно. Ничтожный гээр, купленный за две меры сорго... С какой стати ему досталось всё это?

Теперь она знала, на что способен Ду Юньсэ. Поездка в префектуру Сянпин открыла глаза деревенской женщине на мощь чиновничьего сословия. Она поняла, какой важной персоной был наставник, за которым последовал Юньсэ, и как блистательно жил сам Ду Юньсэ все эти годы.

Госпожа Чжао до глубины души была возмущена тем, что такая удача улыбнулась не её сыну.

Она считала, что разгадала противника.

Зачем такому молодому мужчине с блестящим будущим и связями сдался этот деревенский гээр? У городских господ обычно по три жены и пять наложниц. Хуанянь — всего лишь дворовая курица, которой повезло занять место феникса. Она была уверена: у Юньсэ наверняка есть кто-то на примете.

Вполне возможно, что за годы странствий он уже нашёл себе кого-то по сердцу, а нынешнего мужа терпит лишь по привычке, пока не обустроился в столице.

Тот молодой гээр, что приехал издалека и живёт у них... Наверняка он из таких.

Иначе с чего бы гээр ехал за тысячи ли в дом к мужчине, не будучи ему ни родственником, ни близким другом, и оставался там на столько дней?

Госпожа Чжао решила пустить эти слухи по деревне. Пусть в доме Хуаняня начнётся разлад, а внимание соседей переключится с её позора на чужое грязное бельё. Этот план, убивающий двух зайцев сразу, казался ей идеальным: и Хуанянь пострадает, и ей станет спокойнее.

Пока женщина, прячась за спинами, лелеяла свои коварные замыслы, работа в поле шла своим чередом.

Чтобы реже наполнять бак, его сделали довольно объёмным. Носить такую тяжесть на спине было невозможно, поэтому работники передвигали чан каждые несколько метров. Впрочем, даже так это было в разы быстрее, чем бегать с вёдрами и поливать вручную.

Хуанянь прикинул: с четырьмя опрыскивателями они обработают одно му за полстражи, а значит, все три му будут готовы за день.

Убедившись, что всё работает исправно, а люди приноровились, юноша решил, что его помощь больше не требуется. Ду Юньсэ настоял, чтобы Цю Хуанянь шёл домой отдыхать. Односельчане тоже начали расходиться. Госпожа Чжао, бросив на плантацию последний ядовитый взгляд, скрылась в толпе.

Ей нужно было всё обдумать, чтобы нанести удар наверняка.

В месте, скрытом от её глаз, Шилиу бесстрастно проводил её взглядом.

Лишь когда солнце скрылось за горизонтом, Ду Юньсэ с работниками вернулись домой, привезя на повозке оборудование. Все три му хлопчатника были обработаны. Хуанянь долил

воды в чаны с биоферментом и добавил свежего сырья — скоро раствор снова наберёт силу.

Затем они перевезли к полю уксусный осадок и разложили его небольшими кучками по краям, через каждые несколько метров.

Замысел был прост: когда личинки хлопковой совки выберутся из земли, они не тронут горькие стебли, пахнущие биоферментом, а устремятся к лакомому для них уксусу. В разгар нашествия вредителей останется лишь пройтись по этим кучам с сетями и уничтожить скопившихся насекомых.

Хуанянь заранее согрел воду. Летом она не должна быть слишком горячей. Когда Юньсэ смыл дорожную пыль, они вдвоём присели на ступени главного дома, наслаждаясь вечерней прохладой.

— Я проверял перед уходом: некоторые совки уже обходят хлопок стороной и ползут к уксусу, — негромко произнёс Юньсэ. — Теперь ты можешь быть спокоен.

Хуанянь кивнул.

— Теперь нужно понять, какая концентрация раствора лучше всего, как часто повторять опрыскивание, насколько плотно раскладывать приманку...

Только собрав все данные и выявив чёткие закономерности, он сможет составить полноценное наставление по земледелию. Юноша хотел создать надежный опыт, который поможет простым людям выращивать больше хлопка и сделает его доступным для всех.

Цзюцзю и Чуньшэн уже спали. В ночном дворе царил тишина. Хуанянь и Ду Юньсэ заговорили о том, что случилось днём.

— У Чуньшэна действительно нет таланта к наукам. Он не дотягивает ни до Цзюцзю, ни до Юнькана, не говоря уже о тебе. Мальчик молчит, но в душе его это грызет. Раньше я думал, что он просто маленький и озорничает... Какая досадная беспечность с моей стороны.

Ду Юньсэ нежно коснулся пальцами межбровья Хуаняня, разглаживая невольную складку.

— Ты не виноват. Я, как старший брат, тоже упустил это. Я поговорю с ним серьёзно. Не изводи себя, это плохо скажется на твоём здоровье.

Хуанянь согласился и перевёл разговор на гостя.

— Юньсэ, а ты знаешь, кто такой Шилиу на самом деле? Мне его поведение кажется странным.

Юньсэ покачал головой.

— Он — личный тайный телохранитель наследного принца. О таких людях посторонним ничего не известно. Я видел его лишь пару раз, когда Его Высочество учился у моего наставника. Принц безгранично доверяет ему, говорят, Шилиу с ним с десяти лет.

— А как становятся такими охранниками? Что с их семьями?

— Наставник говорил, что в цзяосисо отбирают одарённых сирот и обучают их. Скорее всего, этот гээр из семьи осуждённых чиновников. Раз он не называет своего настоящего имени, значит, навсегда порвал с прошлым.

Хуанянь вздохнул.

— Теперь понятно, почему он сказал это Чуньшэну.

Те слова, которыми он припугнул мальчика, наверняка были его собственным горьким опытом.

Вечером Хуанянь съел лишнюю порцию каши, и сон к нему не шёл. Он поднялся и, взяв Юньсэ за руку, потянул за собой.

— Пойдём прогуляемся до поля. Хочу ещё раз взглянуть на приманки, а то не усну, пока своими глазами не увижу, всё ли в порядке.

Они заперли ворота и под редкий лай деревенских собак дошли до окраины. В лунном свете на тёмных кучах укусного осадка уже копошились тени — хлопковая совка начала собираться на пир.

Хуанянь с гордостью оглядел бескрайние посадки.

— Судя по тому, как растёт хлопок, соберём не меньше двухсот цзиней с му. Чжу Цзинчэн обещал приехать за урожаем, так что со сбытом проблем не будет. Но я всё равно хочу сделать станки для очистки и взбивания волокна. Лишняя переработка — лишняя прибыль.

Пока они неспешно беседовали, прохаживаясь по тропе, слух Хуаняня уловил странный звук. Это не было похоже на возню ночного зверька — скорее на чьё-то прерывистое дыхание.

Юноша замер и, стараясь не выдать тревоги, сжал запястье Юньсэ, взглядом указывая в сторону, откуда доносился шум.

Ду Юньсэ заслонил собой Хуаняня. Они осторожно сделали несколько шагов, но ничего не

увидели.

Хлопчатник уже вымахал взрослому человеку по пояс. Ночью, при скудном свете, невысокий человек мог легко затаиться в тени кустов. Хуанянь не терял бдительности.

Они обменялись взглядами. Никто не собирался уходить.

Ради этого участка вся семья трудилась с самой весны, вложив в него душу. Теперь, когда урожай был так близок, они не могли допустить никакой беды. Человек, который прячется в чужом поле посреди ночи, явно не замышляет ничего доброго.

Ду Юньсэ жестом велел Хуаняню оставаться на месте и караулить, а сам решил сходить за подмогой. Но Хуанянь колебался.

Они не знали, сколько людей прячется в хлопке и каковы их цели. Возможно, поблизости есть сообщники. Разделяться сейчас было опасно.

Воздух словно загустел от напряжения. Вдруг снова послышался шорох — на этот раз чуть дальше. Тот, кто прятался, решил бежать. В спешке незнакомец ломился напролом, не выбирая дороги, и Хуанянь услышал, как с хрустом ломаются стебли. Его сердце кольнуло от боли за погубленные растения, и он невольно ускорил шаг.

В этот миг со стороны деревни донеслись крики. К плантации бежали люди, в темноте ярко плясали огни факелов.

Хуанянь и Юньсэ в недоумении замерли. В Дуцзяцунь, расположенной у самого тракта, никогда не было разбойников. К тому же в деревне оставался Шилиу, а значит, серьёзная опасность им не грозила.

Не прошло и четверти часа, как толпа достигла участка. Впереди Хуанянь увидел телохранителя с факелом в руке. Рядом бежал Баожэнь, старший сын главы клана, и ещё несколько уважаемых мужчин деревни со своими сыновьями.

Хуанянь вопросительно взглянул на Шилиу. Те тоже удивились, увидев супругов на месте.

— Хуанянь, всё ли в порядке? — запыхавшись, спросил Баожэнь.

— Дядя Баожэнь, что случилось? Откуда вы все?

Баожэнь бросил взгляд на Шилиу и тяжело вздохнул.

— Благодарю своего гостя. Если бы он не поймал госпожу Чжао, мы бы и не узнали, что она подслала Фубао портить твой хлопок! Если бы не поймали вовремя, от трёх му и половины бы не осталось!

«Фубао?!»

Хуанянь и Юньсэ перевели взгляд на затаившуюся в тени кустов фигуру.

Шилиу, не сводя глаз с цели, в несколько прыжков преодолел расстояние, ловко лавируя между растениями. Он протянул руку и точным движением выхватил из зарослей невысокого мальчишку, тут же отшвырнув его на открытое место.

Тот пролетел несколько метров и мешком рухнул на землю. Баожэнь поднёс факел — сомнений не было, это был Фубао.

Мальчишка расшибся в кровь; никогда в жизни ему не было так больно. Затылок ныл, ноги онемели от страха. Он хотел было закричать, но, увидев кольцо суровых взрослых мужчин, лишь сжался в комок, мелко дрожа.

— Фубао, что ты делал в хлопке среди ночи?! — грозно спросил Баожэнь.

— Матушка! Матушка, где же ты?! — захлёбываясь слезами, вопил тот.

Лицо мужчины потемнело. Не обращая внимания на скулёж ребёнка, он скомандовал остальным:

— Быстро осмотрите поле! Проверьте, что он успел натворить!

Хуанянь почувствовал, как внутри всё закипает от ярости. Ду Юньсэ тоже помрачнел.

Вскоре люди вернулись. Ущерб оказался невелик: Фубао успел вырвать с корнем лишь десятка два кустов, да ещё столько же примял, когда пытался убежать.

Если бы не случайная прогулка хозяев и не бдительность Шилиу, беда была бы куда масштабнее.

Хуаняню было и горько, и радостно одновременно. Эти тридцать погубленных кустов он вырастил из маленьких семечек, берёт каждый росток... Видеть их теперь, растоптанными в пыли, было невыносимо.

В деревне к урожаю относились свято. Какой бы ни была вражда между семьями, никто не

смел трогать чужие посевы. Тот, кто опускался до такого, становился изгоем, презираемым всеми без исключения. По законам династии Юй порча урожая считалась тяжким преступлением.

Руки Баожэня дрожали от гнева. Он сам помогал братцу Хуа и знал, сколько труда вложено в каждое му. Поднять руку на живые ростки... Это было кощунством перед предками до восемнадцатого колена. За такое в преисподней ждали муки на всех восемнадцати кругах ада.

Всегда мягкий и рассудительный, Баожэнь на этот раз не проявил капли жалости. Он рывком поднял Фубао за шиворот и ткнул носом в вырванные кусты:

— Твоя работа?!

Мальчик, вконец обезумев от страха, закивал, признаваясь во всём. Вина была доказана.

Мужчина глубоко вздохнул и обратился к угрюмым односельчанам:

— Соседи, дело нешуточное. В нашем уезде Чжан за десятки лет не видывали такого выродка, и надо же было ему завестись именно в нашей деревни. Прошу вас, пойдёмте со мной. Нужно всё рассказать моему отцу, пусть он решит, как быть дальше.

— О чём речь, — отозвались мужики. — Мы для того и здесь. Подобное нельзя спускать на тормозах. Если не наказать по всей строгости, в Дуцзяцунь никто больше не сможет спать спокойно. Как после такого в глаза людям смотреть?

Хуанянь присел, касаясь пальцами крепких, цветущих стеблей, которые ещё днём пили воду, а теперь безжизненно лежали на земле. Он молча поднялся.

Шилиу светил ему факелом. Юньсэ подставил плечо, видя, как юноша прижал ладонь к виску.

— Идём к главе клана, — голос Хуаняня стал холодным как лёд. — За это придётся ответить.

Они вернулись в деревню. В доме старейшины уже всю горели огни. Шум, поднятый Баожэнем, разбудил полдеревни, и любопытные потянулись к воротам, желая узнать новости.

В ярко освещённом дворе, на самой земле, лежала связанная по рукам и ногам госпожа Чжао. Рот её был заткнут тряпкой. Рядом стояли остальные члены семьи. Ду Юньцин, хоть и не был связан, стоял с разбитым лицом и, почернев от злобы, не проронил ни слова.

При виде Баожэня с Фубао в руках лицо Юньцина стало ещё мрачнее. Он зажмурился, тяжело дыша. Госпожа Чжао замычала, отчаянно извиваясь.

Глава клана, уже одетый, стоял посреди двора, опираясь на посох.

— Баожэнь, что там?

— Всё так, как сказал господин Шилиу. Фубао действительно был на поле братца Хуа. К счастью, хозяева были неподалеку, да и мы подоспели вовремя. Погублено чуть больше тридцати кустов.

Старейшина с силой ударил посохом о землю. Лицо его было темнее тучи. Толпа, услышав новости, ахнула в едином порыве.

«Вырывать хлопок? Покушаться на урожай?! Да как у них рука поднялась!»

— Госпожа Чжао, тебе есть что сказать в оправдание? — холодно спросил глава клана.

Старуха лишь мычала. Старейшина и не ждал ответа — ему не хотелось слушать её бред. Сейчас он чувствовал лишь горькое раскаяние. Он жалел, что не приструнил её окончательно ещё тогда, когда приходили люди из семьи Цю. Возможно, если бы он был строже, они бы одумались и не докатились до такой низости.

Люди, ходившие на поле, наперебой рассказывали остальным подробности. Соседи смотрели на провинившуюся с омерзением. Для крестьянина, чей хлеб зависит от земли, не было греха страшнее.

Родня госпожи Чжао жила в городе, да и сама она, выйдя замуж, никогда не знала нужды и не гнула спину в поле. Видимо, поэтому она так легко пошла на уничтожение чужого труда.

Но остальные жители Дуцзяцунь были другими.

Урожай — это дар богов Пяти злаков, основа жизни. Крестьяне дрожат над каждым ростком, боясь засухи или саранчи, а тут — человек намеренно губит посевы!

— Моё слово такое: эта семейка насквозь гнилая. Надо гнать их из деревни! — выкрикнул кто-то из толпы. — У нас есть Юньсэ, гордость рода, а Ду Юньцзин пусть катится на все четыре стороны. Позор — жить с такими под одним небом!

— Верно! Если не выгнать сейчас, завтра эта женщина обидится на кого-то из нас и погубит наше поле! Нам семьи кормить надо!

— В прошлый раз она сговорилась с семьей Цю, чтобы продать Хуаняня. Глава клана тогда пожалел её ради будущего Ду Юньцзина. И что в итоге? Юньцзин провалился в городе, рассорился с чиновниками... Впустую старейшина старался!

— Тише, глава клана говорит!

Старейшина снова ударил посохом, и гомон утих. Все замерли, ожидая решения.

Шилиу едва заметно вскинул голову. Глава клана встретился с ним взглядом и внутренне содрогнулся: этого человека боялась вся деревня.

— В нашей деревне Ду хотя и нет писаных законов рода, но каждый с пелёнок знает: трогать чужой хлеб нельзя. Вы раз за разом сеяли смуту, а теперь совершили преступление, которому нет оправдания. Если я снова покрою вас, предки в могилах проклянут моё имя.

— Порча посевов — тяжкое преступление перед законом. Фубао пойман на месте, а госпожа Чжао — подстрекательница, о чём свидетельствует господин Шилиу. Едва рассветет, мы отправим их в уездную управу. Пусть судья судит их по закону государства.

Двор был забит людьми. Слова старейшины вызвали бурю: кто-то одобрительно захолопал, кто-то зашептался в сомнении.

Глава клана откашлялся и продолжил:

— Но прежде я исполню волю общины. Дуцзяцунь не может носить в себе такую заразу. Баожэнь, иди в храм предков. Доставай родовые книги. Пора вычеркнуть их имена.

Старейшина давно задумывался о том, чтобы изгнать эту семью, но не ожидал, что повод будет таким вопиющим.

Открыть храм предков, достать свитки — это означало окончательное очищение рода. Имена виновных стирались из истории семьи навсегда.

«За что?! Мой сын — учёный, у него есть имя! С какой стати нас гонят?!» — в отчаянии думала женщина, забыв даже мычать.

Она не могла поверить, что её, хозяйку одного из богатейших домов деревни, вышвыривают вон как паршивую собаку. Она знала, что портить посевы опасно, но думала, что под покровом ночи никто ничего не докажет. Она и представить не могла, что того мальчишку, которого она подослала лишь разведать обстановку, схватит тот самый гээр.

Этот незнакомец в одиночку, за считанные мгновения, скрутил всю её семью.

«Тот вовсе не был зазной Ду Юньсэ — это был самый настоящий вестник смерти!»

Глава клана смотрел на них, чувствуя, как гнев сменяется опустошением. Он тяжело вздохнул. И тут в тишине раздался холодный смех Ду Юньцзина. Тот понял, что всё кончено, и больше не собирался притворяться.

— Глава клана, — процедил он, кривя губы в усмешке. — Вы всегда презирали меня. Всегда считали, что я и в подмётки не гожусь Ду Юньсэ. Теперь вы наконец-то получили то, чего хотели. К чему этот фарс?

Старейшина отшатнулся, его борода затряслась от возмущения:

— Ты... Ты, человек книги, как у тебя язык повернулся такое сказать?!

В деревне кто угодно мог обвинить главу клана в пристрастности, но только не Ду Юньцин. Да, Юньсэ был талантливее, но старейшина всегда возлагал на его соперника большие надежды и не раз выгораживал его. Всего пару месяцев назад он рискнул своим авторитетом, чтобы оставить госпожу Чжао в деревне ради будущего её сына, чем вызвал обиду у Хуаняня и Юньсэ.

И теперь этот человек, чья семья совершала ошибку за ошибкой, смел бросать ему такие обвинения! Как у него хватило наглости?!

<http://bllate.org/book/15363/1416605>